

СООБЩЕНИЯ

ОСИПОВСКИЙ МЯТЕЖ В ТАШКЕНТЕ

(18—22 января 1919 года) *

(Воспоминания)

Д. Саликов

В кольце фронтов

Тяжел и суров был 1918 год для Туркестана. Со всех сторон его обложили фронты: с Оренбурга наступали атаман Дутов и генерал Белов, с Семиречья—Анненков, с Ферганы—басмачи. На закаспийском фронте отечественная контрреволюция в лице правых эсеров и меньшевиков бросалась против советской власти вместе с иностранными интервентами — англичанами.

Голод и эпидемия тифа охватили Туркестан. Средняя Азия обычно жила привозным хлебом. «Дутовская пробка» прекратила его приток со стороны Оренбурга. Скудные местные посевы не могли прокормить население. От бескормицы начался падеж скота. Голодная смерть нависла над юртами кочевников—киргизов, казахов,—над аулами и кишлаками дехкан.

Не лучше было и в городах. Как тени бродили изнуренные от голода казахи и дехкане, приехавшие сюда из далеких аулов и кишлаков. Спекулянты не знали пощады: за маленькую ячменную лепешку, наполовину перемешанную с отрубями и мякиной, за горсть пшена или кукурузы они снимали последний халат с изголодавшегося дехканина, последнюю рубаху с рабочего.

В эту тяжелую пору я работал членом коллегии Народного комиссариата путей сообщения Туркеспублики. В моем ведении было снабжение материалами и топливом всех железных дорог и водного транспорта. Задача эта была не из легких. Основным видом топлива для паровозов на Среднеазиатских железных дорогах была

нефть, запасы которой подходили к концу. Пополнить их не представлялось никакой возможности, так как закаспийский фронт отрезал от нас Баку. Необходимо было срочно найти какой-то выход, иначе весь железнодорожный транспорт Средней Азии должен был замереть. Оставалось одно — заменить нефть ферганским каменным углем. Правда, этот уголь был весьма невысокого качества, но другого выхода не было. Железнодорожное движение с каждым днем сокращалось. Бывали времена, когда паровозы приходилось отапливать хлэпковым маслом и даже сушеной рыбой, особенно на участках, прилегавших к Аральскому морю. Совершенно прекратилось пассажирское движение, кое-как продвигались лишь продовольственные и топливные поезда и воинские эшелоны.

С переходом на ферганский уголь встал вопрос о переоборудовании толлок паровозов. Главным мастерским Среднеазиатской железной дороги было дано срочное задание — начать эту работу. Но дело неожиданно осложнилось: мы натолкнулись на глухое, упорное сопротивление начальника Главных железнодорожных мастерских инженера С. И. Ковальского и председателя совета комиссаров мастерских Агапова. Мастерские выпускали вместо 7 переоборудованных паровозов в сутки всего лишь 1—1½.

Как выяснилось позднее, Агапов играл далеко не маловажную роль в осиповской авантюре. Нити контрреволюционного заговора крепко связывали Агапова с тайным штабом заговорщиков, возглавляемым Осиповым¹, Цветковым и другими. По их указаниям Агапов проводил в мастерских контрреволюционную, подрывную работу.

Большевикам приходилось вести напряженную борьбу, чтобы сломить упорный саботаж контрреволюционных элементов, засевших тогда в советских предприятиях и учреждениях. Положение осложнялось еще тем, что «левые» эсеры в Туркестане

* Контрреволюционное выступление Осипова в Ташкенте было звеном в цепи восстаний, предусмотренных штабом Колчака в общем плане борьбы с советской властью. Организаторы и главарь мятежа были тесно связаны с разведкой Англии и финансировались английской миссией в Мешхеде и Кашгаре. Непосредственным вдохновителем мятежа был Маккарней — глава английской военно-дипломатической миссии в Ташкенте.

¹ Осипов (бывший прапорщик) в то время был военным комиссаром Туркеспублики.

продолжали быть легальной партией и имели своих представителей в советских организациях. «Левые» эсеры всячески тормозили работу советов и саботировали очищение Туркестана от махровых контрреволюционеров и вредителей. Между коммунистами и «левыми» эсерами происходили постоянные и острые схватки на заседаниях горсовета, Совнаркома, Туркцика, на различных собраниях, совещаниях и съездах.

Большевистская организация Туркестана, хотя и значительно выросшая после Октябрьской революции, не могла еще охватить своим влиянием огромный по размерам край. Наибольшее количество коммунистов было сосредоточено в городах. Коммунистов из числа коренных жителей, особенно из кишлаков и аулов, было мало. Коммунисты-русские местных языков не знали. Немало членов партии находилось в Красной Армии, на фронтах.

Партийные организации в первую очередь и главным образом опирались в то время на пролетарское население городов: на рабочих предприятий, железнодорожников, а также на солдат. Коммунистам упорной работой удалось обеспечить за собой замещение руководящих постов в советских органах. Должности председателей Туркцика, Совнаркома, ЦСНХ, Туркчека, Наркомпрода, Наркомпути, Наркомвосна и др. занимали коммунисты. Менее значительным было влияние партии на крестьянство, что давало возможность «левым» эсерам проводить среди них свою подрывную работу. Укреплению партийной организации Туркестана и ее влиянию на трудовые массы края серьезно мешала деятельность антипартийной группы, называвшей себя «старыми коммунистами». Группа эта разжигала великодержавный шовинизм, старалась свернуть парторганизацию с позиций ленинско-сталинской национальной политики, угрожала расколом партии и даже открытием «нового фронта». К этой группе примыкал военный комиссар Осипов, возглавивший потом антисоветский мятеж.

Партия «левых» эсеров в Туркестане являлась выразительницей и защитницей интересов кулачества. Через кулаков «левые» эсеры старались влиять и на остальную часть крестьянства. Эсеровская организация в городах Туркестана состояла преимущественно из чиновников, кустарей, торговцев и других представителей мелкой буржуазии. Были среди них и махровые реакционеры вроде Н. И. Черневского и доктора Успенского; они числились лидерами партии «левых» эсеров, а Успенский даже был заместителем председателя Туркцика. Это не мешало ему аккуратно по воскресеньям ходить в церковь к обедне. В партии «левых» эсеров состояли и некоторые рабочие-железнодорожники, которых эсеры сумели обмануть и увлечь за собой.

После «лево-эсеровского мятежа» в Москве в июне 1918 года «левые» эсеры Туркестана, хотя и были противниками заключения брестского мира, отреклись от своего ЦК и осудили его попытку свергнуть советское правительство. Сохранив

свои места в советском аппарате, лидеры «левых» эсеров вели систематическую борьбу с коммунистами, саботировали проведение декретов советского правительства, особенно тех, которые были направлены на углубление социалистической революции в деревне и на беспощадную борьбу с буржуазно-помещичьей контрреволюцией.

С другой стороны, многие рядовые «левые» эсеры, особенно рабочие, шли вместе с коммунистами и поддерживали их основные мероприятия.

Последние четыре месяца 1918 г. в Средней Азии были самыми напряженными для большевиков в их борьбе с белыми бандами и «левыми» эсерами. Фронт врагов с каждым днем все сильнее и сильнее кольцом сжимал Туркестан. Борьба большевиков с партией «левых» эсеров приняла самые острые формы.

Продовольственный вопрос в то время являлся самым злободневным и оживленно обсуждался на рабочих собраниях. Рабочие железнодорожных мастерских обсуждали его чуть ли не каждый день. Агапов умело и тонко разжигал страсти, всячески подчеркивая якобы безвыходность положения рабочих. Помнится, на одном из таких собраний кто-то потребовал разрешения частной торговли и прекращения гражданской войны. Кто был выступавший, неизвестно, но на нем была рабочая блуза. В другой раз кто-то предложил послать мирную делегацию к Дуглову. Кому принадлежали эти голоса? Мог ли так мыслить сознательный революционер рабочий? Конечно, нет. Это был голос классового врага, замаскировавшегося в рабочую блузу.

Тучи сгущаются

31 августа 1918 г., в день покушения на В. И. Ленина, в Ташкенте был организован Комитет красного террора.

«Левые» эсеры встретили наше предложение об организации Комитета в штыки. Но в конце концов им пришлось согласиться, и они даже выделили в Комитет одного своего представителя. В состав Комитета был введен и пишущий настоящие строки.

Члены Комитета были настроены по боевому и намерены были произвести в городе тщательную чистку. Вечером в тот же день, распределив между собой районы новой части города¹, мы отправились на обыск. Мне достался центральный район, около Воскресенского базара. Здесь в гостиницах проживало немало всяких темных личностей неопределенных профессий, выдававших себя за купцов, чиновников и т. д. Все они приехали сюда из Москвы, Петрограда, Баку и других крупных центров России. При обыске мы отобрали у многих из них оружие. На наши вопросы, зачем они приехали и что здесь делают, ответы в большинстве давались стереотипные: «Я приехал по торговым делам, закупить хлопок, шолк», или: «Приехал

¹ Новой частью города называлась часть, населенная русскими.

оформить расчеты по поставкам товаров» и т. д.

Но встречались и такие, которые держались вызывающе и заявляли нам, что они застряли здесь по нашей же вине, так как «комиссары отменили пассажирское движение, вследствие чего им поневоле приходится отсиживать». Мы любезно предлагали им для отсижки новую квартиру. Споры или каких-либо энергичных протестов не было: разводили руками, видя нас вооруженными: «Подчиняемся, мол, вашей силе, ничего не поделаешь...»

За ночь мы выловили таким образом человек до двухсот. Но при допросе произошел инцидент, сорвавший всю нашу работу. В члены Комитета красного террора попал некто Пашко, впоследствии оказавшийся провокатором. Допрашивая одного гражданина, задержанного в нетрезвом виде и без документов, он начал бить его по лицу. Мы категорически запротестовали против таких методов допроса, но Пашко нагло ответил:

— А, идите вы к чорту! Что хочу, то и делаю, на то я и террорист.

Завязался спор. Возмущенный наглým поведением Пашко, один из наших товарищей схватил винтовку, но мы вовремя остановили его.

Этим инцидентом умело воспользовались «левые» эсеры. Они сейчас же вызвали некоторых своих товарищей, пользовавшихся среди эсеров авторитетом. Приехал и Войтинцев — председатель Туркцика — коммунист. Спор принял еще более ожесточенный характер. «Левые» эсеры потребовали немедленного роспуска Комитета.

Присутствовавшие при этом коммунисты, члены правительства, проявили явную мягкотелость. Вместо того чтобы арестовать затесавшегося к нам негодяя Пашко и тем самым ликвидировать инцидент, они согласились с доводами «левых» эсеров, и Комитет, просуществовав только один день, был распущен, а город остался не очищенным от контрреволюционных элементов. Весь выловленный нами контрреволюционный сброд был распущен по домам, а в январские дни жестоко отомстил нам.

4 ноября 1918 г. произошло не менее знаменательное событие: Туркцик объявил о мобилизации населения от 18- до 45-летнего возраста для пополнения рядов Красной Армии и усиления фронтов.

Вечером состоялось многолюдное собрание сотрудников Комиссарната путей сообщения Туркестанской республики. Заслушали постановление и начали обсуждать. Выступает один оратор с пышными, аккуратно расчесанными баками, в пенсне и потертом вицмундире, на котором еще сохранились кое-где блестящие пуговицы. Голос звучит вкрадчиво, несмело.

— Господа... т. с., простите, товарищи! Не пора ли нам перековать мечи на плуги и начать мирную, спокойную жизнь? Тем более, что та жертва, которая ныне от нас требуется, предназначается исключительно для войны междоусобной...

В гуще голов, со всех сторон обступивших оратора, произошло движение.

— Хватит крови! Довольно!.. — раздался чей-то истерический выкрик.

Голос оратора зазвучал увереннее и смелее:

— Я знаю, граждане-товарищи, что мы все будем единодушны в решении данного вопроса. Мы мирные труженики и войны не хотим...

— Война нужна им... комиссарам... большевикам! — опять звонко выкрикнул чей-то голос.

— Долой комиссаров! Не допускать войны! Повоевали — хватит! — продолжался выкрики.

Общее собрание под влиянием контрреволюционных крикунов приняло резолюцию: «Постановление Туркцика отвергнуть и мобилизации населения в Красную Армию не проводить».

За несколько дней до этого собрания Туркчека раскрыла большой контрреволюционный заговор. Сообщение об этом было напечатано в «Нашей газете» 29 октября 1918 года. Центр заговора был в Ташкенте. Но первоначально заговор был обнаружен в Скобелеве. Заговорщики имели тесную связь с руководителями басмаческих банд, с Иргашом и штаб-капитаном Корниловым (братом генерала Корнилова). Отдельные ячейки заговорщиков находились в Коканде, Андижане и других местностях. «Из показаний арестованных белогвардейцев, — писала та же газета, — устанавливается, что инициаторами и вдохновителями заговора являются английские империалисты». Туркчека арестовала свыше 200 офицеров царской армии — активных участников заговора.

Таким образом, контрреволюционная подготовка к вооруженному выступлению против советской власти в Туркестане велась по определенному, заранее разработанному плану. Выступление это намечалось в начале не в январе, а позднее, но события сложились так, что заговорщики решили осуществить свои планы гораздо раньше.

В Ташкенте начали открыто распространяться слухи о готовящемся восстании. Ночами на заборах чья-то рука расклеивала воззвания с призывом к свержению советской власти. Создавалась обстановка, требовавшая самых решительных, энергичных мер борьбы с контрреволюцией.

От имени фракции большевиков Комиссарната путей сообщения в декабре 1918 г. народный комиссар путей сообщения Туркестанской республики тов. Дубицкий Евдоким Прохорович поставил на заседании Туркцика вопрос о создании чрезвычайного военно-полевого суда.

Предложение Дубицкого вызвало бурные прения. Представители «левых» эсеров категорически возражали против внесенного предложения. Особенно горячо выступал лидер «левых» эсеров доктор Успенский.

— Никаких военно-полевых судов не нужно, — решительно заявил он. — Откуда вы, большевики, взяли, что советской власти угрожает опасность? Ерунда! Никакой контрреволюции нет и быть не может. Но если вы вопреки нашим благоразумным

советам все-таки организуете полевой суд, то этим самым создадите контрреволюцию. Но действие всегда отвечают противодействием,— с угрозой закончил Успенский.

Выступление Успенского свидетельствовало о том, что он уже был осведомлен о надвигающейся контрреволюционной расправе Осипова.

Во время перерыва заседания коммунистическая фракция Туркчика наметила кандидатами в состав военно-полевого суда Червякова, Шилова и Саликова (автора данной заметки). По возобновлении заседания наша фракция заявила, что коммунисты твердо решили организовать военно-полевой суд. Туркчик тут же обсудил этот вопрос и решил его положительно, причем «левые» эсеры от голосования отказались. На следующий день Туркчиком был издан приказ о передаче всех дел арестованных белогвардейцев военно-революционному полевому суду.

Однако «левые» эсеры не успокоились. Они еще дважды ставили на заседании Туркчика вопрос о полевом суде, требуя отмены решения правительства и передачи этого спорного дела на соглашение партий. Но Туркчик отклонил их требование. Под председательством Червякова суд начал функционировать.

Одним из важнейших дел, которое мы собирались решить в первую очередь, было дело о 200 офицерах царской армии, арестованных Туркчека по обвинению в контрреволюции. Следствие о них было закончено, и мы начали готовиться к этому большому и сложному процессу, однако события нас опередили.

В полдень 17 января Туркчека арестовала Бота, адъютанта Осипова. При обыске на квартире Бота было обнаружено много различного оружия и боеприпасов. Боту угрожал обвинение в государственной измене со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но в дело вмешался сам Осипов. Он категорически потребовал, чтобы Бот был выдан ему на поруки. Его требование было удовлетворено.

18 января 1919 г. в железнодорожных мастерских состоялось собрание под председательством Агапова. Поводом к собранию послужили продовольственные затруднения и приказ наркома туркестанских путей сообщения Дубицкого о повышении производительности мастерских. Инициатором собрания являлся Агапов, который ловко воспользовался недостатком продовольствия и этим приказом, чтобы попытаться разжечь страсти и настроить рабочих против советской власти.

Огромный колесный цех железнодорожных мастерских, в котором собралось до полутора тысячи рабочих, гудел как паровоз под приглушенными парами; когда мы— члены коллегии Наркомпути— вошли туда, Агапов сидел на председательском месте, за большим грязным столом цеха, и по списку вызывал ораторов. Наше появление было встречено возгласами недовольства, и мы сразу почувствовали напряженность обстановки. На трибуну, сделанную из старых ящиков, грузно поднялся широкоплечий, крижистый человек в рабочей блузе. Осмот-

рев присутствующих мрачным взглядом, он начал тяжело бросать слова:

— Товарищи, наша производственная программа чрезвычайно тяжела. А что мы получаем за нашу работу?.. Осмыслите хлеба и кукурузную мамалыгу, и то не каждый день... Так я говорю, товарищи?..

— Правильно, правильно! — отозвалось несколько голосов в толпе.

Оратор кинул быстрый взгляд на Агапова, и тот, как мне показалось, едва заметно одобрительно улыбнулся ему.

— Продолжайте, товарищ,— скромно произнес Агапов.

— Так вот, мы должны прямо заявить комиссарам,— продолжал оратор,— пусть комиссары ликвидируют гражданскую войну и подвезут продовольствие...

Опять по лицу Агапова пробежала едва уловимая самодовольная усмешка.

— Кончили, товарищ? — обратился он к оратору. — Отлично. Следующий выступает товарищ Петров.

Петров поднялся на трибуну и заговорил в тон предыдущему. Он предложил послать мирную делегацию на фронт, тогда будет хлеб, мясо, мануфактура... и т. д. в этом духе.

Я потребовал, чтобы мне дали слово. Агапов неторопливо поднял голову и пристально посмотрел на меня.

— Что вы хотите нам заявить, дорогой товарищ Саликов? — спокойно, но с особым подчеркиванием спросил он у меня. — Вопрос достаточно ясен. К тому же мы неоднократно слышали ваши выступления, едва ли вы скажете что-либо новое. Я считаю более полезным дать высказаться рабочим. Впрочем... (Агапов пожал плечами и сделал многозначительную паузу) если воля собрания будет такова, чтобы вам дали слово, я не возражаю. Но ваше выступление, повторяю, отнимет лишнее время, а сейчас и без того уже поздно (Агапов посмотрел на часы), ораторов же записалось очень много... Так как же, товарищи,— обратился Агапов к собранию,— дадим мы комиссару Саликову слово?

— Нет, не давать! Слышали!..

— Дать!.. — кричали в толпе.

— Вот видите,— кратко обратился ко мне Агапов,— такова воля собрания, я ничего не могу поделать.

На лице Дубицкого появились красные пятна.

— Агапов,— громко крикнул он,— это неправильно! Я требую, чтобы нам дали слово.

— И я также прошу дать нам высказаться,— настойчиво произнес Кравченко¹.

— Товарищи комиссары,— обратился Агапов к нам, и тонкие губы его пошевелили едва заметная ироническая усмешка,— вы слышали волю рабочих? Будем считать этот вопрос исчерпанным. Дадим слово очередному оратору...

Нам ничего не оставалось делать, как только молча наблюдать, чем все это кончится.

¹ Ф. Г. Кравченко — член коллегии Наркомпути Туркестана.

Мы ушли с тяжелым чувством, что часть рабочих на этом собрании поддалась демагогии врагов, спекулировавших продовольственными трудностями.

Тревожная ночь

В ночь на 19 января в городе, очевидно, уже велась практическая подготовка к вооруженному выступлению. Начальник гарнизона коммунист тов. К. Ревякин был отпущен Осиновым в краткосрочный отпуск. Все наружные караулы, состоявшие из частей гарнизона, были заменены отрядами, находившимися в ведении контрреволюционных организаций. Нашей руководящей группе железнодорожников вечером 18 января почему-то не выдали пропусков, которые мы обычно получали для ночного хождения по городу. В 11 часов вечера ко мне на квартиру, находившуюся в гостинице «Бельвю», на углу Джизакской и Уратюбинской улиц (общедетские группы железнодорожников), зашел знакомый товарищ. С трудом скрывая волнение, он заявил мне, что в городе неблагоприятно, но что именно происходит, он так определенно и не сказал.

— Ты, впрочем, не волнуйся, Дмитрий. Со стороны советской власти все меры приняты. Но ты все-таки будь настороже, так как очень возможны серьезные осложнения.

Сказав это, он поспешно удалился.

Я сейчас же поделился сообщением с товарищами по работе, которые жили вместе со мной в гостинице. Все собрались в комнате Ф. Г. Кравченко и устроили совещание, как быть на случай контрреволюционного выступления. Мы проверили имевшееся у нас оружие — винтовки, гранаты, револьверы. Затем попытались по телефону установить связь с некоторыми товарищами, членами правительства и Ташкентского исполкома, чтобы выяснить, что происходит в городе, и в соответствии с этим принять тот или иной план действий.

Но дозвониться нам ни к кому не удалось. Как потом оказалось, городская телефонная станция в этот момент была захвачена мятежниками, которые перерезали провода. Мой телефон, соединенный прямым проводом с Комиссариатом путей сообщения, пока еще действовал. Пользуясь им, я имел возможность поддерживать связь с вокзалом, телеграфом Туркпути, квартирой Дубицкого и т. д. Около часу ночи я вызвал квартиру Дубицкого. К телефону подошла его жена Зинаида Васильевна, которая ответила мне, что самого Дубицкого дома нет. Он ушел час тому назад на станцию или в мастерские, так как где-то была перестрелка.

Я положил трубку и отошел от телефона, но через полминуты звонок затрещал снова. Беру трубку. Грубый мужской голос рычит:

— Кто у телефона?

Я называю свою фамилию и спрашиваю, в чем дело.

— С тобой говорит белогвардеец с телеграфа, — нагло отвечает трубка.

— Белогвардеец?! — нарочито удивленно воскликнул я. — Вот новость!.. Что же это за белогвардеец и как он попал на телеграф?

— Ты с ним скоро познакомишься. Он отрывает голову таким, как ты, — со злобным торжеством захрипела трубка. — Семнадцать твоих товарищей-коммунистов уже уничтожены во дворе 2-го полка. Очередь за тобой. Жаль, что я не знаю твоего адреса...

— Много там на телеграфе таких идиотов, разбойников, как ты? — хладнокровно спросил я.

Из трубки посыпалась отборная ругань. Не желая больше терять времени на этот разговор, я отошел от телефона и поспешил к Кравченко рассказать товарищам об этом разговоре.

Мы решили подготовиться к обороне, ибо считали, что другого выхода у нас нет. Группой, вооруженными, без специальных ночных пропусков, какие тогда вытаскивались на каждую ночь, никуда не пройдешь. И мастерские и оренбургская школа комсомола находились на расстоянии четырех—пяти километров. Несколько человек, вооруженных винтовками, заняли входные двери, чтобы в случае появления белогвардейцев немедленно предупредить остальных.

Прошло полчаса, час — никто не появлялся. Как потом оказалось, на телеграфе белогвардейцам не дали наших адресов. Чтобы окончательно убедиться, действительно ли телеграф занят белогвардейцами, я вместе с М. П. Шишковым (комиссаром телеграфа Туркпути) вернулся на свою квартиру для разговора по телефону.

Прежде чем начать разговор, мы сняли трубку и, не давая звонка, стали прислушиваться. Обычно в трубке слышался треск работающих телеграфных аппаратов, но на этот раз треска не было слышно, а доносилась какая-то приглушенная возня, словно большая толпа наполняла комнату телеграфа. Я дал слабый, короткий звонок ручного телефона. В трубке тихо прозвучал женский голос:

— Что угодно?

— Кто отвечает? — спросил я.

— Дежурная телефонистка Андреева.

— Скажите, пожалуйста, есть ли кто-нибудь посторонний на телеграфе?

— Да! Очень много... — едва слышно поспешно прошептали в трубку.

— Не скажете ли, кто именно?

— Не наши... Больше говорить не могу... — ответила тихо телефонистка и повесила трубку.

Это короткое сообщение окончательно убедило нас, что телеграф занят отрядом белогвардейцев.

Необходимо было наладить хоть какую-нибудь связь, чтобы подробно выяснить, какие события происходят в городе, кто выступил, где находятся красноармейские части и члены советского правительства. Кто-то предложил послать в Комиссариат путей сообщения одного из шоферов, жив-

ших вместе с нами, под предлогом, будто он пришел в гараж проверить машины. Это предложение все одобрили. Тотчас же были вызваны шоферы Григорьев и Мишуев, беспартийные, преданные советской власти работники. Подробно объяснив им задачу, мы спросили, кто согласен ее выполнить. Мишуев подумал и коротко ответил:

— Ладно, товарищи, сделаю...

Попрощавшись с нами на всякий случай, он ушел.

Минут через 15 Мишуев благополучно добрался до Комиссариата. У входа в здание никого не было, и он беспрепятственно прошел на телеграф. Помещение телеграфа было переполнено вооруженными людьми, которые при его появлении схватились за наганы и винтовки. Несколько человек подбежали к Мишуеву и, угрожая ему револьверами, спросили, коммунист он или нет.

Мишуев спокойно ответил, что он беспартийный. Белогвардейцы обыскали его и, ничего не найдя, спросили у присутствующих телеграфистов, действительно ли шофер беспартийный. Те подтвердили.

— Зачем ты сюда пришел? — спросил у Мишуева один из офицеров.

Мишуев объяснил ему, что ввиду морозной ночи машины могут застыть, необходимо их подогреть и заправить, чтобы к началу занятий они были готовы.

— Отлично! — обрадовался белогвардеец. — Ты, дружище, явился как нельзя более кстати. Машины нам скоро понадобятся. Поэтому иди в гараж и сделай все, что нужно. Кстати, заправь не только легковые, но и грузовики.

Мишуев отправился в гараж, который помещался во дворе Комиссариата. Здесь он быстро и ловко вынул из всех машин магнето и спрятал их в сугробы снега во дворе. Одно магнето он захватил с собой, чтобы доказать нам, что он действительно был в гараже Комиссариата.

Около 5 часов Мишуев вернулся. За время его отсутствия мы пробовали наладить живую связь со штабом Красной Гвардии и квартирами ответственных работников — членов Туркцика и Совнаркома. Но посланная нами на разведку коммунистка Пономарь, переодетая старушкой, вскоре возвратилась обратно, заявив, что все улицы заняты конными белогвардейскими патрулями и пройти нигде нельзя.

Арест

Было около 6 часов утра, когда в городе торжественно и зловеще загудели колокола. Звон начался почти одновременно во всех церквях.

Вдруг к этому торжествующему звону примешался какой-то другой, совершенно непохожий на гудение меди звук. Это зывал тревожный гудок Главных железнодорожных мастерских.

Потрясенные этими знакомыми звуками, мы не знали, что предположить. В самом деле, что означал этот гудок: призыв ли к

борьбе против советской власти или, наоборот, к защите ее? После вчерашнего собрания невольно возникал вопрос: на чьей стороне будут рабочие Главных железнодорожных мастерских, с нами или с белогвардейцами?..

И как раз в этот напряженный момент к нам в общежитие вбежал Дубицкий. На нем была красноармейская шинель и черная каракулевая шапка, сдвинутая на затылок. Рука крепко сжимала маленький браунинг.

— Что вы тут засели, как кроты?! — закричал он с порога задыхающимся голосом. — Вы не знаете, что там происходит?.. Они выступили... Понимаете, выступили... Эти сволочи!.. Но это им дорого обойдется!..

— Стой!.. Не волнуйся... Расскажи толком, в чем дело... Кто выступил? — окружили мы его со всех сторон.

Кто-то предложил ему стул, но Дубицкий яростно оттолкнул его ногой и опять закричал:

— Кто же мог выступить?! Конечно, белогвардейцы... Мало ли этого сброда... Вечером они пытались напасть на железнодорожные мастерские, но рабочие здорово им задали... Сейчас гудок всех поднял на ноги, рабочие бегут с оружием в мастерские...

Приход Дубицкого всех нас ободрил. А когда мы узнали, что рабочие не поддались на провокации Агапова и твердо решили защищать советскую власть, то это внесло еще большую уверенность и бодрость в наши малочисленные ряды.

Через несколько минут после прихода Дубицкого в комнату к нам, запыхавшись, вбежали два товарища, которым было поручено охранять главный вход нашего дома. Они сообщили, что на углу Джизакской улицы, как раз против нашего дома, появился чей-то броневик. Мы разобрали оружие и заняли заранее определенные позиции. Но тревога опять оказалась напрасной. На улице все было тихо, и в дверях нашего дома никто не появлялся.

Тогда один из вновь прибывших решил выйти на улицу и узнать, что это за броневик. Но едва он сделал несколько шагов от двери, как стоявший у броневика кавалерист угрожающе поднял винтовку и приказал ему вернуться обратно. Волей-неволей нам пришлось умерить свое любопытство и только из дверей подъезда наблюдать за броневиком.

Где-то рядом зафыркал мотор, вслед за тем из-за угла Джизакской улицы вынырнул пятитонный грузовик, переполненный вооруженными людьми, часть которых была в военной форме, остальные в штатском. Автомобиль быстро промчался мимо нашего дома и исчез за ближайшим поворотом.

Минут через 5 из ресторана «Буфф», где помещался штаб эсеровской партийной дружины, вышло трое вооруженных людей. Кавалерист, охранявший броневик, двинулся им навстречу и крикнул:

— Кто идет?

— «Левые» эсеры, — последовал ответ.

— Ага, значит, наши!.. — успокоенно проговорил кавалерист.

Эти короткие реплики окончательно сбили нас с толку. Как же так, неужели «левые» эсеры заодно с белогвардейцами?.. Но выяснить, так это или нет, не представлялось сейчас никакой возможности.

Пока мы вели наблюдение за броневиком, одному из наших товарищей, Коновалову, удалось добраться до общежития Туркчика. Вернувшись к нам через несколько минут, он сообщил, что в Туркчике имеются достоверные сведения, что выступили белогвардейцы. Там же он получил печальную весть о том, что вчера, в 11 часов вечера, у подъезда общежития Туркчика был убит выстрелом из нагана Червяков — председатель Чрезвычайного военно-полевого суда. Кто убийцы, выяснить не удалось.

В общежитии Туркчика из живших там членов правительства в данный момент находилось всего несколько человек. Они просили Коновалова передать нам, чтобы коллектив нашего общежития присоединился к ним. Мы стали обсуждать, как нам лучше поступить, принять ли их предложение или оставаться пока у себя. Я решительно высказался за последнее.

Но Дубицкий заявил, что он немедленно отправится в общежитие Туркчика, где договорится с товарищами, наметит общий план действий, и возможно, что мы вместе отправимся в Главные железнодорожные мастерские.

Мы категорически запротестовали, найдя такую попытку крайне рискованной. Во-первых, мы считали, что помещение общежития Туркчика менее подходит для обороны чем наше, во-вторых, если улицы заняты белыми и их броневиками, то это бесцельный риск, а в-третьих, пока нам еще не удалось выяснить, кому принадлежит этот зловеющий броневик, который стоит около нашего дома, нельзя оставлять нашего помещения. Все эти соображения, как потом оказалось, были ошибочны, но они удержали нас от перехода в общежитие Туркчика. Дубицкий твердо стоял на своем и несмотря на наши уговоры отправился в общежитие Туркчика. Там он встретил лидера «левых» эсеров — заместителя председателя Туркчика доктора Успенского — и яростно набросился на него:

— Ага, вот один из тех, которые занесли сегодня нож, чтобы предательски поразить советскую власть в спину!..

Успенский удивленно отступил от него, а Дубицкий, задыхаясь и ожесточенно жестикулируя, продолжал:

— Что, разве не так?.. Разве вы, «левые» эсеры, не предатели?.. Вы сегодня выступили заодно с белогвардейцами, чтобы свергнуть ненавистных вам большевиков... Но имейте в виду, рабочие вы не поведете!.. Рабочие чутьем узнают, где правда и где ложь. И тот удар, который вы сегодня хотите обрушить на наши головы, обратится на вас...

Успенский, продолжая пятиться от Дубицкого, отчаянно захлал руками.

— Евдоким Прохорович!.. Да вы с ума

сошли!.. Да как вы смее!.. — визгливо кричал он. — Я перед алтарем могу поклясться, что это ложь!.. Самая наипагубнейшая ложь! Ей богу-с, ложь!..

Продолжая божиться и клясться, Успенский начал доказывать, что «левые» эсеры тут не при чем. Для большей убедительности он предложил Дубицкому немедленно отправиться с ним в Главные железнодорожные мастерские, где якобы эсеровские дружины в настоящий момент с оружием в руках готовились защищать советскую власть. Дубицкий согласился, и они вместе поехали в железнодорожные мастерские. Но на улице Т. Шевченко, около казарм 2-го полка, их захватил белогвардейский развед. Через 15 минут Дубицкий был зверски убит по приказу Осипова, а Успенский остался невредим. Его только арестовали и заперли в комнате, где находилось несколько арестованных коммунистов. Все они, кроме Успенского, через несколько часов были расстреляны белыми.

Успенский же, как потом сам рассказывал, отделался лишь одними «переживаниями».

Такое миролюбивое отношение белых к одному из виднейших представителей партии «левых» эсеров и к тому же члену правительства, против которого они все-таки, весьма характерно. Оно говорит о том, что лидеры «левых» эсеров, в том числе и сам Успенский, имели тесную связь с мятежниками, вследствие чего и пользовались их покровительством.

Достаточно указать на такие факты, характеризующие роль «левых» эсеров в восстании: «левый» эсер Башарин (племянник Черневского) командовал в дни мятежа одним из осиповских отрядов; «левый» эсер Петренко — командир саперного отряда, стоявшего на станции Урсатьевская, — по приказу Осипова не пропустил в Ташкент советский полк тов. Коновалова из Ферганы; «левые» эсеры возглавляли беловодское кулацкое восстание против советов, поднятое в эти дни; «левый» эсер Колузаев, командир одного из отрядов, жил в одной квартире с Осиповым до самого последнего дня, и все-таки накануне восстания Осипов не постарался убрать его, как он это сделал с командирами-коммунистами. Даже паролем в ночь мятежа белогвардейцы выбрали слова «левые эсеры».

Отправившись с Успенским в железнодорожные мастерские, Дубицкий послал к нам тов. Жаркова сказать, чтобы мы все немедленно перешли в общежитие Туркчика и ждали там его возвращения.

Я в это время стоял у парадных дверей нашего дома и наблюдал за броневиком. На улице было уже совершенно светло. Из-за горных хребтов медленно поднималось солнце, освещая верхушки тополей. А поповские колокола продолжали звонить, и гул как и умогал.

Ко мне подбежал один из наших товарищей и сообщил, что вся наша группа решила идти в общежитие Туркчика и уже выходит через другой ход на Урадобинскую улицу. Я поспешил в свою комнату,

схватил винтовку, два патронташа, револьвер и выбежал на улицу. Наша группа уже построилась в колонну на тротуаре. Шишков, взявший на себя роль командира, отдал приказ:

— Винтовки на плечо! Шагом марш!

Колонна двинулась.

Впереди, шагах в ста от нас, из-за угла неожиданно появилась группа кавалеристов. Я спросил идущего рядом со мной товарища, что это за кавалерия. Он ответил, что, вероятно, это конные милиционеры, так как рядом с нашим домом находилось управление городской милиции. Через минуту мы поровнялись с кавалеристами. Они неожиданно выхватили наганы и закричали:

— Стой! Кто идет?

Мы остановились, продолжая держать винтовки на плече.

— Кто идет?—опять повторило несколько голосов.

— Свои, коммунары! — ответил Шишков.

— Ага, большевики, сволочи! Вас-то нам и нужно! — злорадно закричали кавалеристы.

И, прежде чем мы успели опомниться, они взяли нас в кольцо.

— Сдавай оружие!.. Ну, живо!..

Над нашими головами нависли сверкающие клинки, черные дула наганов, английские бомбы, которыми угрожающе замахнулись на нас кавалеристы. Часть их спешила и начала наседать на переднюю нашу шеренгу, требуя сдачи оружия. Из управления милиции на помощь кавалеристам выскочило еще несколько человек. Завязалась короткая борьба. Так как мы не успели вовремя подготовиться к обороне, то через две — три минуты были все разоружены.

После этого командир кавалеристов скомандовал нам построиться в шеренгу. Мы волей-неволей должны были выполнить его приказание. Кавалеристы встали против нас, взяли винтовки наизготовку и защелкали затворами.

Надо сказать, что вся эта сцена разыгралась на глазах наших жен и детей, которые наблюдали за нами из окон квартир. Увидев готовящуюся расправу, они начали отчаянно кричать.

Кавалеристы прицелились... Еще мгновение — и должен был грянуть залп. Но в эту минуту в дверях управления милиции появился солидный мужчина с большими седыми усами. Пошатываясь, он ухватился правой рукой за дверной косяк и оловянным взглядом уставился на нас. По внешнему виду можно было заключить, что это один из офицеров, руководивших отрядом.

— Отставить!.. — неожиданно скомандовал он залетающим языком.

Кавалеристы покорно опустили винтовки к ноге. Офицер, с трудом удерживая равновесие, спустился со ступенек и нетвердой походкой направился к нам.

— Б-боль-шевики?! — зарычал он, останавливаясь перед нами, непрочко расправив прямые, как палки, ноги в галифе и лакированных сапогах. — Мерзавцы! Обы-скать!

Несколько десятков рук зашарили по нашим карманам. Было отобрано еще несколько брауингов и наганов.

— С-сволочи! — ругнулся опять офицер. — Отвести их во 2-й полк. Там для них места хватит!

Кавалеристы приказали нам снова построиться в колонну, оцепили со всех сторон и повели в казармы 2-го полка, по дороге осыпая нас бранью.

В казармах 2-го полка

Белогвардейский штаб поместился в казармах 2-го полка, в центре города, очевидно, потому, что этот полк был сформирован из киргизов, не знавших русского языка и беспрекословно выполнявших все гнусные приказы Осипова.

При входе во двор 2-го полка мы увидели большую толпу местной буржуазии, собравшуюся сюда как на великий праздник. Тут были солидные мужчины в дорогих шубах и шапках, шикарно разодетые женщины с белыми повязками на руках и большими красными крестами, подростки-гимназисты и реалисты в форменных шинелях и фуражках. Вид у всех был торжественный. Большинство мужчин было вооружено винтовками, берданками и охотничьими ружьями. Даже у подростков были старые пистолеты и монтекристо. Когда нас ввели во двор, толпа зашумела, заволновалась. Раздалась злорадная выкрики:

— Вот они, коммунары!

— Что, дождались праздничка! Ну, теперь мы посмотрим, как вы будете диктовать нам свою волю! На виселицу их!

— Повесить мало — шкуру живьем содрать!..

Толпа свирепо наседала на нас со всех сторон. Если бы не конвойры, нам, пожалуй, пришлось бы плохо. На шум вышел из казармы офицер и быстро направился к нам.

— Что это за люди? — обратился он к нашим конвойным.

— Большевики, ваше благородье, — скороговоркой отрапортовал старший.

Офицер приказал вести нас в казарму. Вытянувшись в затылок друг другу, мы вошли в небольшую переднюю и здесь неожиданно увидели Осипова, который полужелезал на ободранной кушетке. Вид у него был вялый и помятый, как после бессонной ночи и хорошего похмелья. Тонкое бледное лицо с ястребиными глазами и прямым, правильным носом выглядело туго, устало. При нашем появлении он не поднял головы и даже не пошевелился. Глаза его были устремлены в одну точку и словно не видели, что происходило перед ним. Организатор мятежа чувствовал себя неважно.

Мы вошли в следующую комнату. Здесь находилось много рабочих, арестованных раньше нас на улицах. Среди них я встретил А. Я. Першина — старого товарища по подпольной работе в Оренбурге. В последнее время он состоял членом Ташкентского исполкома. Я спросил его, как он попал сюда. Першин рассказал мне, что

когда он узнал о выступлении белогвардейцев, то схватил винтовку и бросился бежать в мастерские, где, как он слышал, собирались рабочие. Но не успел он пройти и полдороги, как его схватили, обезоружили и привели сюда.

— Ну, а вас как сцапали? — улыбнулся Першин.

Я коротко рассказал ему о том, что с нами произошло, и, между прочим, спросил его, не знает ли он, кто именно выступил: «левые» эсеры или белогвардейцы?

Першин уверенно ответил, что выступили белогвардейцы. Першин сообщил нам, что как раз перед нашим приходом во дворе был убит Дубицкий, с остальными же членами правительства и ответработниками белогвардейцы расправились сегодня ночью.

— Теперь, я думаю, очередь за нами, — с затаенной тревогой в голосе, но совершенно спокойно промолвил Першин. — Я смерти не боюсь, но тяжело погибать здесь, как в капкане... Лучше бы уж на улице, с винтовкой в руках!..

Слова Першина подействовали на нас угнетающе. Стены казармы показались нам в этот момент мрачными сводами sklepa... Мы сбились в тесную кучку в одном из углов комнаты и стали обмениваться мнениями о происходящих событиях. Время тянулось томительно долго. Порой нам казалось, что мы сидим здесь чуть ли не целые сутки. Но через тусклые, запыленные окна все еще робко пробивались солнечные лучи. Дверь часто скрипела на ржавых петлях, и в комнату вталкивали новых арестованных. В большинстве это были рабочие, задержанные на улице.

К вечеру наша комната до того переполнилась, что мы вынуждены были стоять, плотно прижавшись друг к другу. От большого скопления людей и отсутствия свежего воздуха трудно было дышать. Лица у всех посерели, осунулись. Появились головокружение и тошнота. Тщетно просили мы охрану открыть хоть немного дверь, наша просьба оставалась без ответа. Тогда мы начали выбивать стекла в окнах. Часовые штыками отгоняли нас и угрожающе кричали, что они сейчас начнут стрелять. Однако три или четыре стекла нам все-таки удалось выбить. В комнату хлынула волна свежего воздуха, и дышать сразу стало легче.

Около полуночи двери нашей комнаты распахнулись, и на пороге появились белогвардейцы. Один из них по списку начал выкликать арестованных. Вышло три или четыре человека.

— Зачем и куда нас вызывают? — тревожно спросили они.

— Начальство приказало... Там узнаете, — уклончиво ответил офицер.

Через час или полтора белогвардейцы опять пришли со списком. На этот раз вызвали А. Я. Першина.

— Ну, товарищи, дошла и до меня очередь... Прощайте! — обратился он к нам с слегка растерянной улыбкой.

Видимо, в глубине души он переживал мучительную тревогу, но внешне старался

казаться спокойным. Когда он торопливо пожимал мне руку, губы его болезненно передернулись, как у ребенка. Но это было всего одно мгновение. Он сурово сдвинул брови и глухо промолвил:

— Жалко, не удалось еще тряхнуть стариной. Ну, да ладно, доведете сами до конца...

Прощаясь в последний раз, мы горячо с ним расцеловались.

Его увели вместе с другими товарищами. Больше никто из них не вернулся.

Потом один товарищ, случайно избежавший расправы, рассказал мне, что Першин до последней минуты держался бодро; стоя перед дулами винтовок, он сказал своим врагам:

— Многих из нас уничтожите вы в эту ночь, но коммунистическая партия и советская власть будут жить! Победа за нами!..

После ухода Першина и других товарищей мы, коммунисты, сгруппировались в углу комнаты. С минуты на минуту ждали мы, что вот-вот откроется снова дверь и выкликнут наши фамилии.

— На вызов отвечать не будем, — твердо сказал кто-то из наших товарищей.

— Если нас не растерзали сразу, значит, есть еще надежда на спасение, — проговорил Кравченко. — Главное — протянуть бы денька два—три. Я уверен, что рабочие накрутят им хвост...

Среди массы арестованных легко можно было укрыться от тех белогвардейцев, которые знали нас в лицо. Мы серьезно опасались лишь одного: как бы кто-нибудь из арестованных не оказался предателем и не донес белым о том, что здесь находятся комиссары.

Несмотря на безнадежность положения в нас все время жила твердая уверенность, что контрреволюция будет разбита в ближайшие дни. Мы подсчитывали, сколько потребуется времени для того, чтобы перебросить красноармейские части с фронта в Ташкент. Если это будет сделано быстро, то спасение возможно. Но если мятежникам удастся продержаться три—четыре дня, а может, и неделю, тогда... кто знает?!

Так прошла эта кошмарная ночь.

Часов в 9 утра 20 января к нам пришел офицер в серой офицерской шинели, но без погон. Он потребовал, чтобы заключенные прекратили разговоры и соблюдали тишину. Вслед за тем он огласил нам осинковский «манифест».

После прочтения «манифеста» офицер обратился к нам с «торжественной» речью, в заключение которой объявил список расстрелянных: Войтинцев (председатель Туркцика), Фигельский (председатель Сознаркома), Шумилов (председатель Ташкентского совета), Фоменко (председатель Туркчека), Кочуринер (председатель краевого совета профсоюзов), Малков (нарком внутренних дел), Дубицкий (наркомпут), Червяков (председатель Чрезвычайного революционного военно-полевого суда), Троицкий (редактор газеты «Красноармеец»), Финкельштейн (заместитель предсе-

дателя Ташкентского совета), Першин (член исполкома Ташкентского совета), Гордеев (член исполкома Ташкентского совета), Шпиляников (командир коммунистической дружины), Лутин (помощник начальника охраны гор. Ташкента), Гриценко (заместитель комиссара по продовольственно Туркпути).

Офицер перечислил еще ряд фамилий, всего их было в списке 35. Характерно, что в списке убитых и расстрелянных не было ни одного «левого» эсера.

Мы с затаенной тоской и злобой прослушали этот печальный список, и каждый из нас живо представил себе погибших товарищей, которые только вчера еще были вместе с нами, горели верой в победу пролетарской революции. Теперь они лежали растерзанные, засыпанные мерзлой землей и снегом во дворе 2-го полка.

Около 2 часов дня 20 января послышались отдаленные оружейные выстрелы, и вслед за тем от тяжелых взрывов задрожали стены казармы. Снаряды, видимо, упали где-то близко. Это рабочие из мастерских и городской крепости обстреливали казармы 2-го полка, где находился главный штаб контрреволюции и мы — пленники.

Один из снарядов попал в дерево, которое росло против наших окон. Вспыхнул ослепительный столб пламени, и с грохотом рухнуло дерево, выбив голыми ветвями несколько стекол в наших окнах. В комнату вместе с морозным воздухом полонили густые клубы синего дыма. Выстрелы раздавались все чаще и чаще, и снаряды падали кругом, сотрясая стены здания.

Радостное чувство овладело нами. Мы уже не рассчитывали остаться в живых, так как были уверены, что если нас не растерзают белые, то мы погибнем под стенами этой казармы, разрушенной снарядами наших же батарей. Но мы были бодры, веселы и даже шутили. Каждый снаряд приносил нам радостную весть о том, что советская власть жива, что верные сыны ее, рабочие и красноармейцы, ведут героическую борьбу с контрреволюцией.

Бомбардировка продолжалась примерно час, а затем затихла.

Здесь я должен несколько отступить от своего рассказа и описать события, которые разыгрывались в эти дни в городе.

Вечером 18 января, после того как Агапов провел собрание рабочих в колесном цехе, белогвардейцы сделали неудачную попытку захватить Главные железнодорожные мастерские. Мятаежники, видимо, надеялись на то, что Аганов уже достаточно обработал и подготовил рабочих к тому, чтобы встретить белогвардейцев с распростертыми объятиями. Аганов по заранее разработанному плану должен был заменить все посты военной охраны мастерских своими людьми.

Захват мастерских, по расчетам белых, должен был дать им очень многое. Во-первых, они получили бы прекрасное укрепление, так как мастерские со всех

сторон были обнесены железобетонными стенами; на территории мастерских находился временный склад оружия, где хранились пулеметы, винтовки, револьверы, боеприпасы и даже несколько скорострельных трехдюймовых орудий. Во-вторых, это лишило бы рабочих их постоянной базы, и они не могли бы оказать белым организованного сопротивления.

Но белые просчитались: Агапову не удалось осуществить своего плана, т. е. заменить военные посты рабочих белогвардейскими; как только белогвардейский отряд появился у ворот мастерских, группа старых рабочих в пятьдесят—шестьдесят человек во главе с коммунистами встретила их дружными ружейными залпами. Белогвардейцы, не ожидавшие такого приема, бросились врассыпную. Минут через 15 после этого в мастерские явился Агапов. Как ни в чем не бывало он поздоровался с рабочими и хладнокровно спросил:

— Что это вы здесь собрались как на бивуаке?.. Пора уже спать...

Рабочие рассказали Агапову о налете белых.

— Что вы?.. Вот чудачки! — засмеялся Аганов. — Пьяную крещенскую братию приняли за контрреволюционеров.

Тогда рабочие показали ему револьвер и бомбу, которые они нашли у ворот после бегства белых. Агапов на мгновение смутился, но быстро овладел собой и пропел сквозь зубы:

— Пожалуй, здесь без крови не обойдется... Вас взвинтили комиссары до такой степени, что вы готовы перегрызть горло друг другу. Все это напрасно. Кто против вас выступит, если оружие в ваших руках и все комиссары ваши?..

Попрощавшись с рабочими и еще раз посоветовав им не беспокоиться, а идти спать, Аганов ушел.

Между тем события этой памятной ночи продолжали развиваться своим порядком. После неудавшейся попытки захватить мастерские белые решили разоружить городскую милицию и крепостную учебную команду.

Милицию им удалось разоружить без особого труда, но захватить крепость оказалось гораздо труднее. Когда часовые, стоявшие на парапете, заметили какую-то черную массу, двигающуюся по снегу, они тотчас же сообщили об этом командованию крепости. Командир, приказав быстро забаррикадировать ворота и двери крепости, вместе с красноармейцами учебной команды выбежал на парапет. Сквозь тьму на белой, свежесыпанной пороше отчетливо вырисовывалась цепь солдат человек в триста—пятьсот. Командир крикнул:

— Стой! Кто идет?

Ответа не последовало. Цепь продолжала двигаться, полукольцом охватывая крепость. Командир повторил окрик. Снова молчание. Тогда командир приказал открыть огонь по цепи. Цепь отступила.

Потерпев вторично неудачу, Осипов не растерялся. Он позвонил председателю Турккиа Войтинцеву, председателю Совнаркома Фигельскому, Шумилову, Фин-

кельштейну и другим членам правительства и предложил им немедленно явиться к нему во 2-й полк, так как в городе происходят какие-то волнения.

Члены правительства, не подозревая, что это ловушка, приехали в штаб 2-го полка. Здесь они нашли Осипова лежащим на кушетке. При виде их он быстро вскочил, грубо, цинично рассмеялся.

— Ага! Явились, голубчики! Арестовать их!.. — приказал Осипов находившимся тут офицерам.

В ту же ночь все вызванные товарищи были зверски замучены и растерзаны во дворе 2-го полка приспешниками Осипова.

Здесь еще раз необходимо отметить, что среди убитых белогвардейцами членов правительства не было ни одного «левого» эсера. Больше того: лидеры «левых» эсеров свободно входили в казармы 2-го полка и выходили оттуда. «Левых» эсеров-рабочих, пробиравшихся в мастерские, белые арестовывали.

В 4 часа утра 19 января мятежники перерезали все провода городского телефона. Связь между крепостью, штабом Красной Гвардии и партийными дружинами прекратилась.

Осипов послал в крепость своих парламентариев с предложением соединиться с ним.

Ответом на это предложение послужило следующее решение общего собрания крепостного гарнизона, принятое по предложению красноармейцев-большевиков: «Обсудив настоящее положение и письмо военного комиссара Осипова, постановили: «Долой самозванных диктаторов! Да здравствует советская власть как власть трудового пролетариата! Мы, красноармейцы крепостного гарнизона, категорически протестуем против каких бы то ни было диктаторов и до последней капли крови будем отстаивать нашу твердыню—крепость».

Как только в Главные железнодорожные мастерские проникли сведения о белогвардейском восстании в городе, коммунисты, находившиеся в мастерских, решили немедленно дать тревожный гудок. В 6 часов утра 19 января рабочие Главных железнодорожных мастерских тревожным гудком были оповещены о начавшихся в городе событиях. Вооруженные и безоружные железнодорожники начали стекаться в мастерские. Среди них было много коммунистов. Сюда же собрались члены третьего железнодорожного райкома ВКП(б), члены горкома, крайкома, некоторые наркомы-коммунисты, члены Туркцика и другие. По инициативе коммунистов состоялся митинг, на котором большинство рабочих впервые узнало о событиях ночи. Однако никто еще в точности не знал, какой характер носит мятеж, кто его возглавляет, в чьих руках город.

По городу и среди железнодорожников белогвардейцами были пушены слухи о том, что против коммунистов восстали и «левые» эсеры. Это подкреплялось также белогвардейским паролем «левые эсеры».

Рабочие, собравшиеся на митинг, по предложению коммунистов единогласно

приняли решение вооружиться и раздавить мятежников, восставших против советской власти. Тут же стали формироваться рабочие полки под командой большевиков — тов. Рубцова (умер в 1940 г. членом ВКП(б) и других. Для руководства борьбой с мятежниками был создан временный ревком, в который вошли коммунисты-рабочие, «левые» эсеры и даже один анархист. Председателем был избран коммунист. Скоро мастерские получили известие о том, что курсанты Оренбургской школы инструкторов и 4-й азиатский полк — на стороне советской власти.

Партийная дружина под командой тов. Якименко соорудила на Госпитальной улице, ведущей из города к Главным железнодорожным мастерским, баррикады из хлопковых тюков. Такие же баррикады были устроены железнодорожным рабочим полком под командой тов. Семена Рубцова на Куйлоковом шоссе, на мосту через Салар и близ нефтяных баков Нобеля.

Вскоре в мастерские, ставшие штабом революционных сил, прибежал какой-то мальчик, благополучно пробравшийся через город, уже захваченный мятежниками, и принес от команданта крепости коротенькую записку: «Крепость в наших руках».

Это обрадовало красных бойцов и придавало им бодрости. Они ни на минуту не сомневались, что конечная победа останется за рабочими, хотя положение было далеко не блестящим. В руках мятежников находились все вещевые и продовольственные склады, пекарни и т. п. Весь город фактически оказался во власти белых банд. В руках рабочих оставались только мастерские и крепость, разобщенные, отрезанные от всего остального мира.

Полностью была разоблачена предательская роль Агапова. Это произошло так. С телеграфа железнодорожной станции Ташкент сообщили ревкому, что со станции Кауфманская какой-то командир вызывает к прямому проводу Попова или Агапова. Ни того, ни другого в этот момент налицо не оказалось. Тогда несколько членов ревкома подошли к аппарату и вызвали станцию Кауфманская: «Я Агапов, кто меня просил?» Со станции Кауфманская последовал ответ: «Я командир взвода Исаев, со мной Баранов и Савицкий». И, видимо, желая убедиться, действительно ли с ними разговаривает Агапов, они задали вопрос: «Вы Агапов, как ваше имя и отчество?» Им ответили: «Я Василий Ефимович Агапов, в чем дело?» Тогда все трое, поверив, что это действительно Агапов, сообщили, что у них все готово: мобилизовано 250 крестьян, для доставки которых в Ташкент необходимо выслать паровоз с вагонами и оружие. «Все ли покончено с большевиками и советской властью?» — спросили со станции Кауфманская. Им ответили: «С большевиками покончено, осталось покончить с крепостью» — и посоветовали крестьян распустить, а самим прибыть в Ташкент, обещав выслать за ними паровоз. На высланном паровозе они приехали прямо в мастерские, где и были арестованы.

19 января Осипов прислал в железнодорожные мастерские капитана Гагинского с письмом, в котором предлагал рабочим сдаться, гарантируя им личную неприкосновенность. Осиповский посланец для храбрости крепко выпил и едва держался на ногах.

Осипову было написано ответное письмо следующего содержания: «Рабочие, своей кровью завоевавшие советскую, рабоче-крестьянскую власть, сейчас готовы тоже своей кровью защищать и отстаивать эту власть».

Осипов разослал по всей республике телеграфные извещения о том, что советская власть в Ташкенте пала, что с большевиками покончено и т. п.

Что же творилось в городе? Великим праздником для ликовавшей буржуазии был этот день — 19 января (праздник крещения по старому стилю). Был ясный, солнечный день. Разряженные дамы, чиновники, офицеры и обыватели с белыми и трехцветными царскими флагами, с хоругвями, иконами и крестами торжественно шествовали по городу. Неистово звонили колокола, попы справляли благодарственные молебны, возвещая народу избавление от большевиков. А под гул колоколов на колокольню втаскивались пулеметы.

Осипов уже видел, что мятеж обречен на поражение. Разъяренным зверем метался он по городу, стараясь укрепить свое положение. Он бросал обывателям заманчивые обещания: «Новая власть даст вам хлеб, сахар и керосин», — но в то же время объявил мобилизацию офицерства и вооружил 14—15-летних мальчиков. Расчет на то, что изменник Агапов поведет за собой рабочих железной дороги, не оправдался, и Осипов поторопился выпустить второе воззвание, в котором он пытался убедить, что якобы стоит за советы, но без большевиков.

19 января серьезных операций не было. Бои и перестрелка велись лишь между передовыми постами и небольшими отрядами.

20 января, в 2 часа ночи, состоялось совещание военно-революционного комитета и всех командиров частей. Настроение было бодрое. Все рабочие твердо заявляли, что будут сражаться до последнего. Нужно было действовать решительно и быстро, чтобы не дать белым укрепиться. Был срочно разработан план наступления. Через час в крепость отправились с секретными донесениями тт. Смирнова и Троицкая.

На заседании ревкома город разделили на два оперативных района. Границей между этими районами наметили Духовскую улицу до куриного базара. Западной частью (вплоть до Урды) командовал тов. Якименко, восточной — тов. Рубцов. Под командой первого было около 900 человек партийной дружины, курсантов Оренбургской школы инструкторов и бойцов 4-го пехотного полка, и на правом фланге в распоряжении Рубцова находилось около 700 железнодорожных рабочих и членов городских профсоюзов.

Утром 20 января из крепости и мастерских начался оружейный обстрел опорных пунктов белых. Рабочие одновременно пошли в атаку. Бой продолжался почти весь день. Рабочие дрались героически, пядь за пядью освобождая город от белогвардейцев. Они выбили их из ряда пунктов по Куйлюкскому тракту, Старо-госпитальной и Духовской улицам. Осиповцы нигде не выдерживали натиска рабочих штыков и уходили. Стремительной атакой был занят Белый дом (дом бывшего губернатора). Мятежники поспешно бежали. Во время атаки Белого дома выстрелом с колокольни собора был убит член исполкома Викалов.

Белые особенно яростно защищали казармы 2-го полка. Но рабочие упорно прокладывали себе дорогу, проявляя чудеса храбрости. Больница имени Полторацкого, например, была отбита большими, ранеными и инвалидами. Военное училище удержал от натиска белых крайне малочисленный отряд. Ночью на 22 января пал последний оплот белогвардейцев — казармы 2-го полка.

Уничтоженные в открытом бою, белые пытались спасти свое положение, распространяя слухи о помощи, которую им якобы посылает закаспийский фронт, о крестьянских отрядах, идущих со станции Кауфманская, и пр., но никаких подкреплений они не получили и были разгромлены рабочими.

Освобождение

В 11 часов вечера 21 января один из белогвардейских офицеров подошел к караульным, охранявшим дверь нашей комнаты, и громко сказал:

— Сегодня ночью мы перейдем в другое место, потому что здесь нам оставаться невыгодно. С новых позиций мы более успешно поведем наступление на большевиков. Имейте в виду, — добавил офицер, — если перемещение будет происходить в спокойной обстановке, всех находящихся под арестом надо увести с собой, а в случае, если обстановка изменится и большевики перейдут в атаку, то всю эту сволочь перебейте на месте.

Эти слова произвели на нас двойное впечатление. С одной стороны, мы были рады, что белогвардейцы уходят из казармы 2-го полка; значит, думали мы, дела их очень плохи. В то же время мы не могли скрыть сильной тревоги за свое положение. Надежды на спасение у нас оставалось все меньше и меньше. Победят ли рабочие или белогвардейцы — и в том и в другом случае белые нас уничтожат.

Потянулись минуты томительного ожидания. О сне, конечно, никто из нас и не думал. Мы чутко прислушивались к каждому звуку, долетавшему со двора. Но кругом все было спокойно и тихо. Только перед нашими окнами раздавались мерные шаги часового. Так прошли два или три часа, показавшиеся нам вечностью.

После полуночи в казарме началась возня. Гулко застучали торопливые шаги, во

дворе зафыркали лошади, загремели колеса орудий. Видимо, эвакуация началась. Мы с минуты на минуту ждали, что вот-вот откроется наша дверь и войдут конвойные, чтобы вести нас за собой или расстрелять на месте. Но никто не являлся.

Около 2 часов ночи слышалась отдаленная ружейная перестрелка, которая временами то усиливалась, то затихала. Мы с тревогой и надеждой прислушивались к ней. Кто вел наступление: белогвардейцы или рабочие? Прошел час, полтора. Выстрелы не смолкали, наоборот, как нам казалось, они стали доноситься отчетливее, чаще. С перерывами трещали пулеметы. Вот несколько пуль со свистом пронеслось мимо разбитых окон. Вслед за тем выстрелы раздались во дворе. Мы поняли, что это конвойные расстреливают через окна арестованных, сидящих в соседних с нами помещениях. Через минуту должна наступить наша очередь...

Но залпы неожиданно смолкли. Наступила жуткая, зловещая тишина. Настороженно глядя на черные окна казармы, мы не знали, что предположить: забыли ли о нас белые или наступление рабочих было отбито, и поэтому они не сочли нужным довершать кровавую расправу?.. В этом напряженном положении мы провели еще час.

Вдруг у дверей раздался тяжелый топот ног, и в комнату к нам ворвались пятеро неизвестных с возбужденными лицами и с винтовками наперевес.

— Кто здесь находится? — спросил один из них.

— Арестованные, — ответили мы.

— Выходите отсюда немедленно! — приказал нам неизвестный, видимо, командир этого маленького отряда.

— Скажите нам прежде, кто вы, иначе мы не выйдем, — твердо заявил один из наших товарищей.

— Никаких объяснений, выходите сейчас же! А то заставим вот этим... — и незнакомец угрожающе потряс винтовкой.

Один за другим мы вышли во двор полка. Было еще темно. В морозном воздухе лениво кружились мягкие белые хлопья. Мы осмотрелись кругом и заметили во дворе цепь вооруженных людей, а немного поодаль — большую толпу арестованных, помещавшихся в казармах. Нам приказали присоединиться к ним.

Бежим вдоль цепи неподвижно стоящих солдат и на ходу задаем им торопливые вопросы:

— Скажите, кто вы? Куда и зачем нас гонят?

— Бегите, бегите! Потом узнаете все... — бросают они короткие ответы.

В глубине двора стоят два пулемета, направленные прямо на нас. Сердце невольно сжимается: очевидно, готовится массовый расстрел.

Но в этот момент нам попадается на встречу солдат, который гонит впереди себя арестованного и ругается:

— Иди, иди, белогвардейская сволочь!

Это окончательно сбивает нас с толку:

в чьих же руках мы находимся?.. Неизвестность мучает нас больше всего.

— Граждане, скажите же, наконец, кто вы? — снова бросает один из арестованных тревожный вопрос.

Ответов нет. Нам приказывают построиться и ведут со двора по направлению Константиновской улицы. Мы идем огромной толпой, окруженные со всех сторон плотным кольцом конвойных.

Ночная мгла быстро редет. Мы замечаем, что вся улица загромождена баррикадами из хлопковых тюков. То там, то здесь в стенах домов зияют черные дыры, пробитые осколками снарядов. На расщепленных телеграфных столбах висит зашнурованная спутанная проволока. Видимо, прошлой ночью здесь происходил жаркий бой. Скоро дорогу нам преградили огромные, вековые тополя, поваленные поперек улицы. Мы с трудом перебрались через них и, отойдя шагов сто — полтораста, увидели два серых броневика, неподвижно застывших посреди улицы.

Как мы узнали немного спустя, броневики эти принадлежали белым и были взяты в плен рабочими этой ночью. Рабочие сделали это весьма хитро и в то же время просто. Когда броневики устремились на баррикады, рабочие подпилили несколько самых больших тополей и повалили их поперек дороги. Наткнувшись на это препятствие, броневики повернули назад, но рабочие отрезали им отступление, быстро смастерив такую же преграду на другом конце улицы. Броневики очутились как крысы в западню и вынуждены были сдаться.

Нас привели к вокзалу и здесь по одному начали пропускать во двор Главных железнодорожных мастерских. У калитки я неожиданно увидел техника Глазунова с винтовкой в руках. Он сразу же меня узнал.

— Вы как попали сюда?! — удивленно воскликнул он.

Я коротко рассказал ему обо всем и, между прочим, заявил, что я не один, а с группой наших товарищей-железнодорожников. Нас тотчас же освободили. Глазунов провел нас в главную контору мастерских, где помещался штаб революционного комитета. Здесь мы встретили своих товарищей-коммунистов, которые были очень обрадованы тем, что мы остались живы. Вид у нас был, очевидно, настолько измученный, что они тотчас же предложили нам горячий чай, хлеб, консервы и т. п.

Бегство мятежников

Итак, осиповская авантюра закончилась полным поражением мятежников. В ночь на 22 января Осипов с кучкой преданных ему белобандитов отступил по Чимкентскому тракту на Семиречье. Уходя из города, банда захватила часть автомобилей и лошадей, ограбила кассу Народного банка и увезла два орудия.

Рабочие, утомленные двухдневными непрерывными боями, голодные, обморожен-

ные, не могли сразу организовать погоню за мятежниками. Что же касается командира красногвардейского отряда «левого» эсера Колузаева, то он, несмотря на распоряжение революционного комитета и желание красногвардейцев поймать Осипова, категорически отказался преследовать мятежников. Свой отказ Колузаев мотивировал тем, что ему якобы необходимо починить бронепоезд, который сильно пострадал в последних боях. С этим ремонтом отряд провозился до 8 часов утра 22 января. За это время мятежники успели уйти далеко в горы.

Утром 22 января, после своего освобождения, мы с Кравченко и группой товарищей отправились из Главных мастерских в Комиссариат путей сообщения: надо было срочно восстановить телеграфную связь с фронтами и информировать их о положенном деле в Ташкенте.

Придя на телеграф, мы спросили у дежурного:

— Были ли какие-нибудь распоряжения от Осипова?

Старший телеграфист показал нам подлинную телеграмму Осипова, написанную на клочке бумаги размашистым нервным почерком. Я привожу ее текст полностью: «Станция Учаджи. Командиру Казанского полка товарищу Кириллову. Предлагаю в срочном порядке, не обращая внимания ни на какие другие распоряжения, выехать с полком в гор. Ташкент в распоряжение мое. Турвоенком Осипов. Члены гарнизонного комитета: Берестов, Бутенин, Худяков».

Не знаю, была ли эта телеграмма получена командиром полка Кирилловым своевременно или нет, но полк остался на месте.

23 января реввоенсовет решил послать своих представителей на закаспийский фронт и попутно в Самарканд и другие города для информации о контрреволюционных выступлениях в Ташкенте. В числе командированных был и я.

Первую остановку мы сделали на станции Усатьевская, Среднеазиатской железной дороги. Здесь мы встретили командира саперного отряда «левого» эсера Петренко. Сюда же приехали немного раньше нас командир полка интернационалистов Д. Е. Коновалов и И. Ф. Казарин.

Мы собрались в служебном вагоне и рассказали этим товарищам о ташкентских событиях. Когда доклад был окончен, «левый» эсер Петренко заявил:

— Я раньше, за три—четыре дня до этого, знал о том, что в Ташкенте будут контрреволюционные выступления.

— Каким образом ты узнал это? — спросил я у Петренко.

— Ко мне из Ташкента был прислан Осиповым полковник Надольский, — ответил Петренко, — он предупредил меня, что в Ташкенте готовится контрреволюционное выступление, но пока оно отложено. Он же передал мне приказ Осипова, чтобы в случае выступления я не оказывал никакой помощи советской власти и не двигался бы к Ташкенту.

Тогда я задал Петренко вопрос:

— Почему вы не арестовали Надольского тотчас же, как получили от него это сообщение?

— Все меры были приняты, — уклончиво ответил Петренко. — За Надольским был установлен надзор, и по требованию лиц, за ним следивших, он был арестован и отправлен в Самарканд.

Я назвал действия Петренко сомнительными и потребовал, чтобы заявление Петренко было занесено в протокол. Меня поддержали Казарин, Ермолов и Коновалов. Присутствовавшие на совещании «левые» эсеры самым решительным образом запротестовали против занесения в протокол сообщения Петренко, но мы продолжали настаивать.

Этот спор едва не кончился вооруженной схваткой. Однако мы добились своего, и сообщение Петренко было занесено в протокол № 1 от 24 января 1919 года.

Сделав доклад в Самарканде, мы поехали в Чарджуй. В этот момент Казанский полк, стоявший в Чарджуе, готовился к выступлению на фронт. Мы решили сделать доклад о ташкентских событиях на полковом собрании. После доклада общее собрание Казанского полка приняло такое постановление: «Казанский полк стоит за советскую власть, никаких авантюр не разделяет и пойдет на борьбу с ними...»

По ходу дела видно, что лидеры «левых» эсеров: Успенский, Черневский и другие — действовали с Осиповым вместе, но в последний момент, убедившись в том, что рабочие не пошли за Агановым и Осиповым на предательство советской власти, они против своего желания вынуждены были идти за рабочими, которые разгромили белую банда Осипова. Из этого следует, что «левые» эсеры не случайно дали Осипову уйти, не организовали своевременной погоню за ним: они боялись поимки Осипова, ибо он разоблачил бы предательство лидеров «левых» эсеров. Рабочие, руководимые большевиками, грудью отстаивали Советский Туркестан от контрреволюции и интервентов и остались до конца верными великому ленинскому знамени, под которым они честно и доблестно сражались за укрепление диктатуры пролетариата в Средней Азии.